

Никаких «не плачь», никаких прикосновений. Только растерянное молчание. Это оказалось куда спокойнее любого сочувствия.

— Говорят, если начать — потом не остановишься, — пробормотал он с лёгким вздохом.

— Неправда! — вскинулась она, сквозь слёзы.

— Да, да, конечно, — кивнул он.

— Кто вообще такое... снюх... придумал, кхе-хе...

Она вытерла слёзы рукавом, но продолжала всхлипывать. Подземелье, возможно, привлечёт монстров на её плач, но остановиться она не могла.

Мужчина не торопил. Просто молча протянул ей край своей рубашки.

— Держитесь крепко. Смотрите под ноги.

Он забрал у неё телефон, чтобы светить вперёд, и пошёл первым.

Чжиён, всхлипывая, пошла за ним. Он больше не настаивал, чтобы она шла рядом. Просто шёл вперёд, высокий и широкоплечий, как тот человек из её детства.

Поэтому она без стеснения держалась за его футболку и шла за ним. И от этого ей хотелось плакать ещё больше.

— Вы... вы ведь тогда сказали, что слишком поздно поняли, — прорыдала она.

— Это было не вам, — отозвался он.

— А кому?..

— Монстру, который держал вас за ногу.

— Почему?

Она и рыдала, и не переставала задавать вопросы. Он подумал: настоящий журналист, — и тут же получил удар по ноге.

Но больнее было Чжиён — нога ударилась, как о камень.

— Уф... железный вы весь.

— Простите.

— За что? Это ж я вас ударила... — хлюп.

— Тогда не прощу, — усмехнулся он.

— Вы что, издеваетесь?

— В общем...

Он явно попытался сменить тему. Но уголки его губ приподнялись — всё было понятно.

— Я сразу понял, что это недоразвитое существо — пролезло не туда. Но когда я подошёл, оно как будто раздумывало, кого выбрать — вас или меня. Я нарочно показал уязвимость, а оно так и осталось с вами.

— ...

Чжиён снова почувствовала боль в ноге, где «ребёнок» её держал.

— Когда понял, что оно наконец решило переключиться на меня, даже обрадовался.

Он глубоко вздохнул и обернулся к ней с выражением человека, уставшего от проказ младшей сестры.

— Представьте, каково это — видеть, как кто-то держит вас за ногу, а я не могу ничего сделать.

В его голосе впервые мелькнуло облегчение.

— Так вы очки надели, чтобы... казаться идиотом?

— Нет. Чтобы лучше слышать.

Он снова постучал по уху — уже в третий раз.

Чжиён, вся в слезах, посмотрела на него снизу вверх.

Что за бред? Даже если это сказал человек, спасший ей жизнь — бред есть бред.

— Человек при восприятии окружающей среды сильно полагается на зрение и слух. Ах да, обоняние тоже важно. Если перекрыть один из этих каналов, другой становится более чувствительным. Хотя, конечно, не стоит просто так пробовать закрывать себе глаза или уши — не у всех это сработает, — сказал он.

Чжиён, которая было собралась попробовать пройти с закрытыми глазами, тут же их открыла. Слезы капали одна за другой.

— У вас что, глаза на затылке?

— Нет.

— А где вы такому научились?

— В армии.

— А.

Военный? — подумала она. Судя по телосложению, он и правда мог быть профессиональным военным.

— Вы надели солнцезащитные очки, чтобы слух обострился?

Хотя у него были закрыты глаза, он ни разу не оступился на неровном, каменистом полу пещеры. Даже сейчас, когда Чжиён шла с широко открытыми глазами и при свете фонарика на телефоне, ей было намного труднее.

—Как я уже говорил, звуки, которые издают монстры, здесь не отражаются. Так что остаётся полагаться только на собственные уши.

—Вы раньше уже бывали в таких подземельях?

Вопрос вырвался сам собой. Наверное, это уже про деформация — задавать вопросы, как дышать.

—Да. Похожее подземелье было в районе Йосу.

У мужчины, казалось, тоже была своя профессиональная деформация: как только ему задавали вопрос, он сразу же отвечал — будто не мог иначе.

—Не знаю, осталось ли то подземелье открытым или его уже закрыли. Там в основном появлялись монстры, похожие на раков. Они, как и здесь, на стадии личинки заползали в нос или рот человека... и там росли.

Мужчина замолчал на секунду, подбирая слова. Чжиён передёрнулась, вспомнив о мерзком извивающемся существе, что вылезло из-за рта ребёнка.

—Монстры-раки издавали щёлкающие и царапающие звуки. Мы по этим звукам определяли, человек это или монстр.

То подземелье появилось у самого берега Йосу как раз в разгар фестиваля, что привело к большим жертвам.

Когда ещё не было понятно, какие монстры водятся внутри, всех, кого видели внутри подземелья, считали выжившими и пытались спасти. Из-за этого многие охотники погибли.

Позже армия официально заявила, что в том подземелье выживших нет, и отдала приказ: всех, кого видят внутри, расстреливать без предупреждения. Но приказ соблюдался плохо.

Охотники всё равно продолжали искать людей. Даже зная, что это, скорее всего, не люди, а монстры. В них сидела — непонятная для генералов — чувствительность: мы хотя бы людей не убьём. Всё это ради того, чтобы кого-то спасти.

Половина охотников была призвана по замене или были приёмными детьми. Многие из них были социопатами, презиравшими человечество, но... даже у них были границы.

Позже выяснилось: звуки исходили от того, что панцирь ракообразных тёрся о застывшее человеческое тело. С тех пор охотники начали специально тренировать — чтобы они могли отличать выживших от монстров, носящих человеческую кожу.

Тем не менее, даже после начала этих тренировок, подземелье йосу оставалось самым смертоносным — там возвращаемость охотников была ниже всего в стране.

—Вы... случаем, не охотник? — наконец догадалась Чжиён, кто перед ней — человек, шедший в очках по тёмному туннелю и голыми руками убивавший монстров.

Но Чжиён не была глупа — просто мужчина был совсем не похож на современных охотников.

—Да — кивнул он спокойно.

—Но почему вы...

Чжиён вновь посмотрела на его одежду. Ни одного светящегося предмета. Во время боя — никаких зрелищных способностей.

Говорит, что охотник. Но почему он... такой?

Мужчина, заметив её сомнение, повернулся и пояснил:

—Сейчас таких, как я, называют “бывшими охотниками”.

—А...

Чжиён сразу всё поняла.

—...!

Она внезапно остановилась, взглянув на рубашку мужчины.

—Мы пришли. Вот и выход.

Мужчина тоже остановился и указал вперёд. Там был яркий свет.

[Выживший, это вы?]

—Да. Идём!

Мужчина взмахнул фонариком и обернулся к Чжиён.

—Эм... я...

—Не беспокойтесь. Я не собираюсь брать вас в заложники, ничего требовать или устраивать теракт. Не все бывшие охотники — террористы, не так ли, журналист Чжиён? Вы ведь сами писали об этом не один материал.

—Да, верно. Простите. Я...

Чжиён тут же поклонилась. Ей стало мучительно стыдно: она — из всех людей — поддалась предвзятости. Приняла человека, который её спас, за потенциального преступника.

—Если недоразумение прояснилось — отлично. Мне не хотелось бы, чтобы вы меня так воспринимали.

Он протянул ей телефон. Чжиён взяла его и снова пошла за мужчиной.

Свет приближался. Слышались голоса, крики — кто-то звал, кто-то переговаривался. Чжиён была на грани слёз — от облегчения.

Когда они подошли к выходу, сверху опустилось спасательное устройство. Попросили подниматься по одному — сначала нужно было проверить личность.

Мужчина сразу посадил Чжиён первой.

—Спасибо вам. Я боюсь, что наверху будет слишком суматошно, поэтому скажу сейчас — я обязательно отплачу вам за всё. Только... как вас зовут? Можно ваш номер?

Она полезла в карман, ища блокнот и ручку — но, похоже, потеряла их в суете.

Можно было бы просто передать телефон, но в этот момент об этом не подумалось. Внутри подземелья он был лишь фонариком.

—Благодаря младшему лейтенанту Ён Чунсу вы выжили не раз. По сравнению с этим — пустяк.

—Ну, даже так... Что?

Чиён застыла, так и не вынув руку из кармана.

—Перед тем как войти, я посмотрел ваш профиль в соцсетях. Вы всё ещё выплачиваете учебный кредит. А младший лейтенант Ён откладывал всю зарплату, чтобы купить вам квартиру к свадьбе. Этим вы не покроете весь долг?

—...Кто вы такой?

—Собрал лишь половину, квартиры бы не хватило. Хоть на оплату учёбы пустите. Ён бы похвалил меня, не порицал.

—Ты... Ты знал моего брата?

Чжиён схватила мужчину за ворот.

[Поднимаем. Мужчина, отойдите. Это опасно.]

Сверху раздался сигнал.

Лифт дёрнулся.

—Постой! Ты! Кто ты такой? Ты знал моего брата?! Знал?!

Чжиён попыталась втащить мужчину внутрь — подняться вместе с ним. Но он легко освободился от её рук.

Зато что-то передал. Сложенный лист бумаги.

—Говорят, вещь младшего лейтенанта Ёна не передали родным и должны были сжечь. Я забрал. Оказалось — лежала у меня среди личных вещей»

—Постой. Подожди!

Чжиён изо всех сил тянулась, но... не успела. Мужчина остался внизу.

—Это просто за пачку сигарет, которую он мне дал.

Он спокойно помахал ей — и исчез в темноте пещеры.

—Постой! Подожди!

Он не обернулся.

Спустя мгновение — металлический лязг.

Капсула с Чжиён зафиксировалась у выхода.

—Вы в порядке? Говорить можете?

Хотя она кричала весь подъём — все это слышали. Окружённые светящимися предметами охотники стояли в десятке шагов и держали оружие наготове.

Может, стоит рассказать, как помогала родителям делать кимчи? Чжиён стояла ошеломлённая, думая, как доказать, что она — не монстр, а обычная кореянка. И тут раскрыла, что ей передали.

Шорох.

Это было старое фото. Сильно изношенное, сложенное дважды, почти на грани разрыва. Но лицо на нём узнать было можно. Себя — не узнать невозможно.

Снимок из детского сада. Почему он оказался у совершенно незнакомого мужчины?

Она не знала. Но перевернула фото.

На обороте было написано:

Моя сестрёнка

Ён Чжиён.

Слёзы хлынули снова.

—О... брат...

Чжиён зарыдала — как ребёнок, потерявшийся в толпе.

Один из охотников подал знак остальным:

—Подтверждено. Это выжившая.

—Службы! Найдена 43-я! Быстро, транспорт! Установите личность!

У выхода снова началась суета.

—Братик... братик...

Окружённая охотниками, репортёрами, вспышками — Чжиён рыдала, как маленькая девочка, потерявшаяся в мире без брата.

Он ушёл внезапно.

Маленькая Чжиён вцепилась в его ногу, когда он собирался уйти, и не отпустила.

Когда она встретила в подземелье ребёнка с мягкой игрушкой, опустившего голову — она сразу поверила. Потому что он прилип к её ноге так же, как когда-то она — к его.

—Эй, что с ней?

—Ён Чжиён! Иди сюда!

Отец с матерью пытались оторвать девочку от мужчины. Но она крепко держалась.

— Подождите. Если оторвёте — будет только хуже. Будет рыдать без остановки.

На руке ребёнка остался красный след. Тогда мужчина, стоявший как дерево, шагнул вперёд и заслонил её собой.

— О... э... Хорошо.

— Тогда... ты мог бы её немного успокоить?

Когда мама и папа, то ругавшие, то умолявшие Чжиён, в смущении отступили назад, он опустился на одно колено и посмотрел в глаза Чжиён, которая казалась меньше его наполовину.

— Ён Чжи.

— Уэээээн.

Лицо Чжиён было всё в слезах и соплях. Он осторожно вытянул рукав и мягко вытер её крошечное лицо.

— Не уезжай... Хныгык... Не уезжайиии...

— Я должен.

— Почему уезжаешь? Не оставляй Ён Чжи! Оппа, не уходи! Я не хочу, чтобы ты уходил и бросал Ён Чжи!

— Оппа не бросает тебя. Я...

Он не смог договорить.

Тогда она не понимала, но теперь, кажется, знает, что он не смог сказать:

— Оппа не бросает тебя. Я уезжаю, чтобы тебя защитить.

Ему было всего двадцать. Для пятилетнего ребёнка он казался взрослым, выше даже, чем папа. Но на самом деле... ему было всего двадцать.

Как же ему было страшно. Как не хотелось ему уезжать. ...Наверное, тоже хотелось плакать.

Того двадцатилетнего юношу, которого отправили в страшное, нежеланное место — заставил поехать туда ребёнок, меньше его в половину. И всё же этот ребёнок не дал ему заплакать.

Кто она такая, чтобы, рыдая навзрыд, не дать ему даже поплакать? Как же он, наверное, ненавидел эту кроху. Как злился. Как затаил обиду.

— Оппа вернётся через десять ночей.

Но как же он мог быть таким ласковым?

— Не хочу десять ночей. Не уезжай! Просто останься рядом с Ён Чжи!

— ...Я обязательно должен поехать.

— Ааааа! Не-е-ет! Не хочу!

—Зато я точно вернусь через десять ночей. Обещаю, Оппа обязательно вернётся к Ён Чжи.

Он осторожно отцепил крохотные ручки Чжиён, сжавшие его штанину, и протянул мизинец.

—Хнык. Правда... через десять ночей вернёшься?

—Конечно.

Чжиён крепко сжала его мизинец и не отпускала. Он подождал немного, а затем легко освободил руку.

—Уээээ... Почему...

Она снова собралась зареветь — но он обнял её.

Это был первый и последний раз. Он всегда ждал, чтобы она первой к нему прижалась, тогда неловко улыбался и отвечал на объятие. А в тот раз он сам протянул руки.

—Оппа?..

Она удивлённо замерла.

—Ён Чжи, не забудь Оппу.

Он прошептал это очень тихо, почти неслышно. А потом отпустил её и резко поднялся.

—Спасибо за всё.

Он глубоко поклонился родителям, натянул кепку так, чтобы скрыть глаза, и вышел из дома, не дав им и слова сказать. Он шёл, будто Чжиён больше не существовала.

—Оппа! Оппаа! Не уезжааааай!

Чжиён рыдала. Всей душой, всей силой, как будто мир рушился. А он ни разу не обернулся — просто исчез из поля зрения.

В тот день Чжиён плакала весь день и попала в отделение неотложной помощи. Даже в больнице она продолжала звать Оппу, и отец, не выдержав, связался с учебным лагерем и умолял разрешить пасынку навестить её — но просьбу отклонили.

Это был первый и последний контакт семьи Чжиён с ним при его жизни.

Чжиён выросла и, достигнув двадцати, стала ровесницей того, каким он был тогда. Потом она даже стала старше, чем он успел дожить. Но воспоминания о нём не исчезли. Стали только ярче.

Всего лишь двадцать лет... Ён Чунсу.

Почему ты должен был умереть... из-за пятилетнего ребёнка? Тебя забрали... и даже не смогли вернуть тело... А мир — всего за десять лет — так изменился.

Ты ведь не хотел быть охотником. Не хотел умереть так.

Ты погиб... А этот мир...

—Вы в порядке?

—А...

Чжиён подняла голову.

Спасатель протянул ей воду и одеяло. Он уже усадил её в скорую и проверял её состояние.

От входа в подземелье и до появления перед камерами и журналистами — Чжиён всё это время безудержно плакала.

Охотники, охранявшие вход в подземелье, громко позвали скорую. Чжиён добралась сюда, пробираясь сквозь толпу, поддерживаемая медработником.

Отойдя немного от шумного входа в подземелье, она почувствовала тишину. Отчасти потому, что внимание СМИ к Чжиён ослабло после того, как был найден сорок четвертый выживший.

Чжиён сжала бутылку воды и покачала головой.

«Нет, нет...»

Она не чувствовала себя хорошо ни капли. Ей хотелось плакать до тех пор, пока всё её тело не растворится в слезах.

В руке раздался шорох. Чжиён посмотрела на него.

Ён Чжиён

Моя младшая сестра.

На следующий день после своего двадцатилетия она получила почтовое отправление, написанное тем же почерком, и стала назначенным наследником покойного младшего лейтенанта Ён Чунсу, получив оставленный им счёт. Ежемесячная зарплата, собранная по крупицам, единовременная выплата в качестве соболезнования после подтверждения смерти.

Этой суммы не хватило бы на квартиру в Каннаме, но это были очень большие деньги. Достаточно, чтобы студент из богатой семьи, притворяющийся бедным, мог спокойно учиться, не беспокоясь об аренде комнаты, не подрабатывая и не беря учебные кредиты.

Но с того дня, как она получила счёт, и до сегодняшнего момента Чжиён не сняла с него ни единой воны. Парень, которого она встретила в пещере, сказал, что можно снимать сколько угодно, но она не смогла. И не собиралась.

Она думала, что больше не будет плакать, думая о нём, если не будет заглядывать в счёт. Но снова расплакалась.

—Кто этот мужчина? Кто он такой, чтобы... мой брат... я...

Она слабо закрыла глаза.

—Вы уверены, что ваше решение неизменно? — спросил медработник. Его голос стал гораздо тише и жёстче, чем когда он передавал ей воду и одеяло. Чжиён снова открыла глаза.

—Ты ещё кто?

—Я спрошу ещё раз. Покойный младший лейтенант Ён Чунсу .

—...!

—Чувства к погибшему брату. Гнев на этот мир, который позволил ему умереть. Вы просто будете страдать в одиночестве? Или...

Медработник с выражением глубочайшей озабоченности протянул руку для рукопожатия.

—Вы присоединитесь к нам?

<http://bllate.org/book/12393/1213608>